

Омельницкая Евгения Юрьевна

ГРОТЕСК КАК ПРИЕМ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ В "ПОШЕХОНСКИХ РАССКАЗАХ"
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Статья посвящена проблеме демифологизации реальности в "Пошехонских рассказах" М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автор полагает, что гротескные мотивы и образы играют ведущую роль в создании традиционного для творчества писателя "деформированного" мира. Используя гротеск как прием демифологизации реальности, М. Е. Салтыков-Щедрин показывает постепенное разрушение базовых морально-этических ценностей человечества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 144-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

CONCEPTION OF "WRITTEN EPOS" IN THE WORLD FOLKLORE STUDIES AND TATAR WRITTEN DASTANS

Mukhametzyanova Liliya Khatipovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
lilmuh@mail.ru

The author develops a new conception in relation to a genre of epos and its dominating variation in the Tatar people, investigates issues connected with the participation of individual and traditional folkloric principles in the written variant of dastan genre, in the light of modern conceptions about written epos draws some theoretical conclusions about the nature of the Tatar written dastan.

Key words and phrases: folklore studies; problem; written epos; dastan; folkloric genre; Tatar folk art; epic tradition.

УДК 81.1

Филологические науки

*В статье раскрываются особенности лингвокультурного феномена «брак» во французской ценностной картине мира через его репрезентанта – аксиологемы *mariage*. Автор обосновывает эффективность исследования паремиологического и афористического уровней языка для выявления основных ценностных ориентаций социума. На основе анализа пословиц, поговорок и афоризмов французского языка были выявлены основные когнитивные признаки аксиологемы *mariage*, которые являются объектами оценочных суждений во французском концептуальном пространстве.*

Ключевые слова и фразы: ценностная картина мира; социальные нормы; ценность; паремия; паремиологический фонд; аксиологема.

Набиркина Ольга Валентиновна

Воронежский государственный педагогический университет
olgavalent@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГЕМЫ «MARIAGE» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ[©]

Тенденция к изучению языка, культуры и этноса через их тесную взаимосвязь стала определяющей в развитии современной лингвистики. Особую актуальность в этом контексте приобретает развитие в языкознании аксиологического направления, в рамках которого язык рассматривается как феномен культуры, способный фиксировать и отражать систему ценностей, существующих в социуме в данное время, либо являющихся для него традиционными. Одной из главных целей лингвистических исследований в рамках аксиологии является целостное описание представлений о мире определенного социума через призму языковой картины мира, в структуре которой центральное место занимает ценностно-нормативный компонент, отражающий видение человеком мира в аспекте его интерпретирующего избирательного отношения к окружающей действительности.

Базовая система ценностей культурно-лингвистического сообщества реализуется в языке в виде ценностной (аксиологической) картины мира. Принципами ее лингвокультурологического описания выступают комплексность, многомерность и межкультурное сопоставление. Однако важнейшим принципом изучения картины мира с аксиологической точки зрения считается вербально-концептологическая репрезентативность, согласно которой ценности как феномены языка и культуры имеют когнитивную структуру и могут быть описаны подобно концептам. Е. Ф. Серебrenникова объясняет этот факт тем, что «оценивание рассматривается как естественный когнитивный процесс», так как познание мира человеком, осуществляемое через концептуализацию и категоризацию мира, несвободно от одновременного придания познаваемому объекту определенного оценочного значения [4, с. 24]. Лингвистическое описание национальных ценностей того или иного языкового сообщества через анализ конкретных культурных концептов представлено во многих работах последних лет и показывает их высокую эффективность. Обзор аксиологических исследований показывает, что концепт как структура оценочного сознания находит выражение на различных языковых уровнях. Однако, по мнению ряда ученых (О. Н. Георгиева, О. А. Дмитриева, В. А. Маслова, Ю. С. Старостина), наиболее ярко этнокультурная специфика языка раскрывается через исследование его паремиологического фонда [1; 2; 6; 7].

Под «паремиями» в нашей работе мы, вслед за В. О. Чернощековой, понимаем устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения народного происхождения с синтаксической структурой предложения, которые обладают признаками традиционности, общеизвестности, дидактичности, то есть пословицы, аксиомы,

максимы, поговорки [8, с. 80]. Являясь частью фольклора определенного этнического сообщества, паремии представляют собой одну из форм фиксаций в языке обычаев, традиций, а главное социальных норм и стереотипных моделей поведения, что позволяет охарактеризовать с их помощью особенности определенной культуры по системе ценностных приоритетов и дать объяснение основ мировоззрения нации.

Социальные нормы, выраженные в пословицах и поговорках, реализуются через описание *сценария* (представления о характерной последовательности событий или типичном разворачивании одного события) или *стереотипов* дискурса (языковой интерпретации соответствующего культурного прототипа сквозь призму социальной нормы). Сценарий, по определению В. А. Марьянчик, есть цепочка (событий, эпизодов события, сцен) в действии, ограниченном маркерами темпоральности локальности, ролевыми маркерами и маркерами поведенческой модели [5, с. 14]. Аксиологическая сущность сценария как когнитивно-вербального феномена заключается в значимости для носителя культуры и выражается в текстовой реализации (например, в паремиях) с помощью пейоративной, мелиоративной или амбивалентной оценочности. При этом оценочная нейтральность сценария исключается априори в связи с его обязательной фиксацией на нормативной шкале «нормально – аномально». Стереотипы-образы или стереотипы-ситуации, актуализированные в паремиологическом фонде, по своей природе равнозначны ценностям, поскольку несут в себе ярко-выраженное оценочное значение как результат интерпретации соответствующего прототипа. Доказано, что в пословицах и поговорках объекты и явления действительности интерпретируются на базе прототипа-образа (представления о предметах, явлениях действительности) или прототипа-схемы (представления о связях предметов и явлений). Прототип при этом служит базой для формирования общественной нормы. Норма, с лингвистической точки зрения, есть «положительная оценка обществом образов и схем каких-либо предметов и / или явлений действительности, закрепленная в вербальной форме или готовая быть развернутой в высказывание долженствующе-прескриптивного характера» [Там же, с. 25].

Таким образом, исследование паремиологического фонда языка позволяет выделить наиболее релевантные, с точки зрения носителя языка, моральные ценности социума и определить их специфический характер как результат воздействия исторического, культурного и других экстралингвистических факторов в традиционной картине мира.

В данной работе мы ставим перед собой задачу рассмотреть способы речевой репрезентации лингвокультурного феномена «*mariage*» (брак) в традиционной французской картине мира на примере ее функционирования в паремиях и афоризмах. Следует отметить, что дополнение нашего исследования посредством афористического пласта французской лингвокультуры объясняется стремлением представить более полное видение брачных отношений в обществе. Афористическое высказывание наравне с пословицей или поговоркой вызывает в сознании носителя языка определенную совокупность сведений, которая обуславливает границы употребления данного выражения, его стилистику, связь с определенными жизненными ситуациями, явлениями истории и культуры народа. Наличие в афоризме ценностного суждения является его основной конституциональной особенностью, и, следовательно, выражение оценочного отношения к такому фрагменту действительности, как брачный союз, является главной интенцией субъекта высказывания.

Очевидно, что социальный институт брака как конституирующий элемент общества занимает важное место в ценностной картине мира франкоязычного социума, что делает закономерным появление оценочных коннотаций в семантической структуре языковых единиц, объективирующих данный феномен в языке. Отметим, что традиционно в лингвистических исследованиях лингвокультурный феномен *mariage* представлен как концепт. Однако сложность и многокомпонентность структуры данного концепта вместе с его исторически сложившимся статусом базового элемента в концептуальной системе французской лингвокультуры позволяют рассматривать его как аксиологема. Опираясь на определение С. Н. Кочерова, термином *аксиологема* мы именуем ценностно-маркированный когнитивный конструкт, который является константой определенной лингвокультуры, находящейся в относительно постоянном единстве и взаимно обусловленном отношении со сходными с ним по значению, но не по содержанию ценностями [3].

Аксиологема *mariage* во французской лингвокультуре представляет собой многослойное ментальное образование, характеризующееся системой структурно-содержательных связей с другими аксиологически наполненными концептами (*l'amour* «любовь», *les noces* «брак», *le divorce* «развод», *la famille* «семья», *les parents* «родители») и включающее этнокультурные компоненты, характерные только для французского сообщества (*les fiançailles* «обручение», *les accordailles* «помолвка», *PACS* «гражданский брак»). Содержание изучаемой аксиологема в языковом сознании современных носителей французской культуры обладает как положительной, так и отрицательной эмотивно-оценочной коннотацией и метафоричностью, характеризуется возрастной дифференциацией, зависимостью от семейного положения. Обзорный анализ сплошной выборки паремий и афоризмов, репрезентирующих семантическое поле аксиологема *mariage*, позволяет выделить следующие когнитивные признаки исследуемого явления:

1. оформление брачного союза: *l'alliance* «супружество», *les épousailles / la noce (les noces)* «свадьба», *les fiançailles* «обручение, помолвка», *les accordailles* «помолвка» и др.;
2. состав брачно-семейного союза: *le mari* «муж», *la femme* «жена», *l'époux* «супруг», *l'épouse* «супруга», *le conjoint* «супруг», *la conjointe* «супруга», *l'alliance*, *l'alliancée*, *le fiancé* «жених», *la fiancée* «невеста» и др.;
3. межличностные отношения в браке: *l'amour* «любовь», *la haine* «ненависть», *l'estime* «уважение», *le mépris* «презрение» и др.;

4. продолжительность существования брачного союза: *union éternelle* «вечный союз», *vivre longtemps* «жить долго», *le lendemain du bien être* «счастливое будущее», *le devenir* «будущее», *pour la vieillesse* «до старости» и др.;

5. эмотивно-оценочные характеристики брака:

а) положительные: *bons mariages* «крепкие браки», *heureux* «счастливый» и др.;

б) отрицательные: *regrets longs* «долгие сожаления», *grandes révolutions* «великие революции», *mariage pluvieux* «несчастливый брак», *malheureux* «несчастный» и др.;

6. пространство брачно-семейных отношений: *famille* «семья»;

7. прекращение брачного союза, расторжение брака: *divorce* «развод».

В качестве основополагающего содержательного признака структуры аксиологемы выявляется: брак как супружеский союз (*le mariage est une union légale de l'homme et de la femme* «брак – это законный союз мужчины и женщины») – это явление, обладающее качественными, количественными и пространственно-временными характеристиками. Брачные отношения мужа и жены являются определяющими при определении понятия *famille* (семья). Вероятно, поэтому единство супругов в браке представлено в ряде пословиц и несет в себе положительную оценку: *mari et femme ne font qu'un corps / de mari à la femme il n'y a que la main / tel homme, telle femme* – «муж и жена – одна сатана». Гармония и объединение в паре как благо для семейной жизни объясняется взаимодействием и взаимозависимостью двух начал – мужского и женского, которые извечно являются частями единого целого, хоть и несут по своей природе различный эмоциональный, физиологический психологический и социальный заряд.

Основополагающий признак «женитьба / замужество» получает в представленной выборке французских пословиц и афоризмов двоякую оценку. С одной стороны, в состав его семантического поля входят такие смыслы как «божественное провидение при выборе супруга», «ответственность в организации семьи», «одухотворенность отношений между супругами»: *les mariages sont écrits dans le ciel* – «браки совершаются на небесах»; *le mariage est une science* – «брак – это наука». С другой стороны, признак «женитьба – замужество – брак» имеет и негативные коннотации. Женитьба несет негативные оттенки значения причины «разрушения любви», «рутины», «ослабления чувств»: *le mariage est la traduction en prose du poème de l'amour* – «брак – это перевод в прозу поэзии любви»; *les mariages se font au ciel et se consomment sur la terre* – «браки совершаются на небесах и разрушаются на земле» (А. Loisel) [12]. Примечательно, что для мужчины брак представляет собой большее бедствие, чем для женщины: *l'homme marié est un oiseau en cage* – «женатый мужчина – птица в клетке». Негативно-ценностный характер выражен с помощью имплицитных метафорой *un oiseau en cage* (птица в клетке) признаков брачного союза – ограничение свободы, лишение возможности вернуться к прежнему образу жизни. Паремии даже выражают предостережение от связи с женщиной: *se garde de femme épouser qui veut en paix se reposer* «остерегайся женщины, если хочешь остаться в покое».

Тем не менее, несмотря ни на что брак во французской культуре представляется значимым явлением и выступает залогом благополучной жизни: *le jour du mariage est le lendemain du bien être* «день свадьбы – залог будущего благополучия». Брачный союз признается гарантом жизненной устроенности человека в старости и несет в себе: *la femme est le devenir de l'homme* «женщина – будущее мужчины»; *l'argent et l'épouse sont nécessaires pour la vieillesse* «деньги и жена необходимы для счастливой старости». В пословицах отражена «естественность» брака в жизни каждого человека: *désir de se marier et de vivre longtemps tourmente tout Jean et Catherine, ils sont mariés, ils vivent longtemps tous voudraient revenir sur leur pas* «желание жениться и жить до старости волнует каждого Жана и Катрин, они поженились и живут счастливо, все бы желали их судьбы». Главным мотивом для создания семьи признается именно материальное благополучие, а не чувства: *qui se marie par amour a de bonnes nuits et de mauvais jours* «кто женится по любви, проводит сладкие ночи, но горькие дни».

Также в языке указываются временные рамки, определяющие удачную женитьбу. Создание семьи – действие ответственное, не терпящее необдуманной поспешности (*mariage prompt, regrets longs* «брак на скорую руку да на долгую муку») и своевременное (*qui tard se marie, mal se marie / celui qui se marie trop tard, se marie pour les voisins* – «кто поздно женится, тот плохо живет»). Поскольку Франция является аграрной страной, в пословицах можно найти советы, связанные со сроками празднования свадьбы. Например, *quiconque se marie en août souvent n'atasse rien du tout* «кто женится в августе, не собирает никакого урожая».

В паремиологическом фонде разнообразно представлен спектр признаков параметра «межличностные отношения в браке». Нами были отобраны пословицы и афоризмы, репрезентирующие оценочное представление о взаимоотношениях супругов с точки зрения их «социального статуса» в браке. Это обусловлено тем, что традиционная модель брака во французской культуре представляет собой патернальный союз, в котором супружеские отношения имеют четкое разделение социальных ролей: муж – «добытчик», обеспечивающий семью, общественно активный, имеющий более высокий уровень образования; жена – «хозяйка» и «мать». Как следствие, паремии и афоризмы довольно часто отражают статусное разделение супругов в браке, что можно наблюдать в следующих примерах. Пословица *bonne femme honneur son seigneur* «хорошая жена уважает своего сеньора» показывает, что в традиционной картине мира женщина по природе своей признается существом более низкого порядка, чем мужчина. То же мы видим у Мольера в его «Школе жен»: *Pour son mari, son chef, son seigneur et son maître* «для своего мужа, повелителя, сеньора и господина» (Molière, L'École des femmes) [13]. В данном высказывании брачный партнер (жена) имплицитно сравнивается со служанкой, обслугой своего господина – мужа. При этом аксиологическая значимость мужа в браке не должна быть никоим образом поставлена под сомнение: *Un mari, comme un gouvernement, ne doit jamais avouer de faute* «муж, как и правительство, никогда не должен признавать своих ошибок» (H. de Balzac, Physiologie du mariage) [10, p. 139].

В данном случае лексема *gouvernement* (правительство) используется для описания безоговорочной и легитимной власти мужчины в своей семье, при этом допускается, что он может совершать ошибки, которые не будут признаваться таковыми другими членами семьи.

В поведении мужа прослеживается утилитарная позиция: единственной сферой, где женщина считается полноправной хозяйкой, признается домашнее хозяйство: *la place d'une femme est à la maison* «место женщины в доме». С другой стороны, роль женщины высоко оценивается обществом с позиции хорошей хозяйки: *femme prudente et bien sage est l'ornement du ménage* «умная жена – украшение дома»; *maison sans femme, corps sans âme* «дом без хозяйки как тело без души». Пословицы содержат резко отрицательную оценку обмена ролями мужа и жены: *femme qui parle comme homme, et géline qui chante comme coq ne sont bonnes à tenir* «лучше не иметь жены, которая говорит, как мужчина, и рябчика, который поет, как петух»; *la poule ne doit pas chanter devant (avant) le coq* «курица не должна петь перед петухом». Данные примеры содержат негативно оценочное сравнение женщины, которая пытается быть главной в семье, т.е. занять позицию мужчины, с птицами (курица, рябчик), имеющими ассоциации с глупыми существами в данном языковом сообществе.

Однако французские пословицы и афоризмы подчеркивают необходимость в отношениях между супругами благоразумия (*il faut être compagne de sa femme et maître de son cheval* «для жены нужно быть компаньоном, для лошади – хозяином») и резко отрицательно осуждают применение физической расправы по отношению к супруге (*c'est le diable qui bat sa femme* «тот, кто бьет свою жену, – дьявол»).

Интересно, что во французской культуре принято откровенно говорить о супружеской неверности и разводе. Верность не признается обязательным условием благополучного существования французской семьи и не является основополагающей ценностью французской наивной картины мира: *mariage est un jeu ou trompe qui peut* «брак – это игра, в которой обманывает каждый, кто может». При этом женская и мужская неверность несут разную аксиологическую нагрузку: женская неверность осуждается строже, в то время как мужчина чаще всего представляется жертвой порочности жены или собственной глупости и заслуживает клейма «рогоносца». Например, указано, что женщина от природы склонна к измене: *la femme a semence de cornes* «у всякой жены есть семена рогов». При этом измена мужчины есть нечто естественное и не осуждается: *pour les hommes l'infidélité n'est pas l'inconstance* «неверность мужчины не является чем-то непостоянным» (Choderlos de Laclos) [9, p. 374].

При сравнительно легком отношении к браку, отношение к разводу преимущественно нейтральное: *le divorce est si naturel que, dans beaucoup de maisons, il couche toutes les nuits entre deux époux* «развод – вещь настолько естественная, что во многих домах он спит между супругами» (Chamfort) [11].

Суммируя вышесказанное, заметим, что в ценностной картине мира французского сообщества брачные отношения имеют более отрицательный оттенок, нежели положительный. На первый план выступают содержательные элементы, которые мотивируются «расчетом» или «вынужденностью» официального оформления отношений между супругами. Однако обзор содержательного минимума характерных признаков аксиологемы *mariage* позволяет сделать вывод, что положительную оценку получили следующие параметры:

- гармоничное взаимоотношение супругов в паре основано на любви и взаимоуважении;
- ведущая роль супруга изначально определяется «правом первенства мужчины»;
- статус женщины как хозяйки дома и благоразумной жены является определяющим.

В заключение необходимо отметить, что аксиологему *mariage* во французской лингвокультуре нельзя признать сформировавшейся, поскольку происходящие культурные изменения во французском социуме ведут к постоянной трансформации ее смысловой и ценностной нагрузок. В этой связи мы считаем, что исследования по данной проблеме представляются значимыми и требуют поиска новых способов изучения данного явления и определение дополнительных показателей.

Список литературы

1. Георгиева О. Н. Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение. 2008. № 2. С. 116-121.
2. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и поговорок // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск, 1996. С. 67-74.
3. Кочеров С. Н. «Аксиологема» как проблема теории ценностей [Электронный ресурс]. URL: <http://credonew.ru/content/view/1069/65/> (дата обращения: 05.03.2014).
4. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
5. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2011. 52 с.
6. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лингвистика. 2010. № 2 (20). С. 19-30.
7. Старостина Ю. С. Интерпретация лингвистической оценки в терминах аксиологических суждений // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 3 (53). С. 232-239.
8. Чернощекова В. О. Лингвокультурный аспект пословиц // Язык и культура. 2009. № 1. С. 80-85.
9. http://franceinfo.us/03_books/books/laclos_liasons.pdf (дата обращения: 08.04.2014).
10. http://www.bouquineux.com/pdf/Balzac-Physiologie_du_mariage.pdf (дата обращения: 08.04.2014).
11. <http://www.citation-du-jour.fr/theme/citation-nature/> (дата обращения: 08.04.2014).
12. <http://www.proverbes-francais.fr/citations-mariage/> (дата обращения: 08.04.2014).
13. <http://www.toutmoliere.net/acte-3,405402.html> (дата обращения: 08.04.2014).

REPRESENTATION OF THE AXIOLOGEME “MARIAGE” IN THE FRENCH NATIONAL LINGUOCULTURE

Nabirkina Ol'ga Valentinovna
Voronezh State Pedagogical University
olgavalent@mail.ru

The article reveals the specifics of the linguocultural phenomenon of “marriage” in the French value world picture through its representative – the axiologeme “marriage”. The author argues for the efficiency of investigating the paroemiological and aphoristic levels of the language for the identification of basic value attitudes of the society. On the basis of the analysis of proverbs, sayings and aphorisms of the French language the researcher revealed the basic cognitive characteristics of the axiologeme “marriage” which are the objects of judgments in the French conceptual sphere.

Key words and phrases: value world picture; social standards; value; proverb; paroemiological fund; axiologeme.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена проблеме демифологизации реальности в «Пошехонских рассказах» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автор полагает, что гротескные мотивы и образы играют ведущую роль в создании традиционного для творчества писателя «деформированного» мира. Используя гротеск как прием демифологизации реальности, М. Е. Салтыков-Щедрин показывает постепенное разрушение базовых морально-этических ценностей человечества.

Ключевые слова и фразы: М. Е. Салтыков-Щедрин; «Пошехонские рассказы»; гротеск; гротескные мотивы и образы; демифологизация реальности; литературный прием.

Омельницкая Евгения Юрьевна

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
evg.omelnitskaya@yandex.ru

**ГРОТЕСК КАК ПРИЕМ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ
В «ПОШЕХОНСКИХ РАССКАЗАХ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА[©]**

Цикл «Пошехонские рассказы» представляет собой яркий пример позднего творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он впервые появился в «Отечественных записках» в 1883-1884 годах и стал своеобразным продолжением ранее заявленной в произведениях сатирика темы «Пошехонья». В каждом из 6 «вечеров», составляющих «Пошехонские рассказы», М. Е. Салтыков-Щедрин подвергает сатирическому переосмыслению отдельные аспекты социальной, культурной и политической жизни современной ему России. Используя различные литературные приемы, писатель стремится обнажить несовершенства окружающей действительности и понять причины столь быстрого разрушения духовно-нравственных ценностей, долгое время составлявших основу жизни русского народа.

В рамках статьи мы обратимся к одному из излюбленных литературных приемов сатирика – гротеску – и попытаемся показать как при помощи гротескных образов и мотивов М. Е. Салтыков-Щедрин добивается эффекта демифологизации художественной реальности.

Мы полагаем, что стремление проследить механизм использования гротеска для создания эффекта демифологизации, использовав в качестве литературного материала одно из поздних произведений сатирика – «Пошехонские рассказы», – позволит нам пролить свет на отдельные аспекты художественного мышления М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Достаточно распространенной среди щедриноведов является мысль о том, что в текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина 1880-х гг. наблюдается постепенное разложение сложившейся системы смеховых образов [5, с. 102] и происходит переход к особому периоду творчества писателя, не связанному с доминированием сатирического пафоса [Там же]. Иными словами, в позднем творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина (исключая, конечно, «Сказки») сатирическое преобразование действительности при помощи гротескных мотивов и образов, фантастических элементов, иносказаний уступает место фактографичности, публицистичности и бытописательству. Подобная точка зрения представляется нам справедливой лишь отчасти: в сугубо «реалистических» произведениях сатирика 1880-х гг. мы можем видеть сохранение гротескных элементов, характерных для более ранних периодов творчества писателя. Мы выделим несколько наиболее ярких гротескных мотивов и образов и постараемся определить, как с их помощью М. Е. Салтыков-Щедрин демифологизует современную ему действительность. Термин «демифологизация» был впервые введен немецким теологом Р. Бульманом и в его понимании обозначал раскрытие смысла Нового завета путем критического толкования «мифической

картины мира», данной в Библии [7, с. 129]. Р. Бультман считал, что библейский миф якобы больше не соответствует современным представлениям человека, сформированным под воздействием естественнонаучной мысли [Там же]. Для того чтобы библейские сказания стали приемлемыми для человека, мыслящего в рамках научной картины мира, по мнению Р. Бультмана, следует переинтерпретировать их мифическое содержание [8]. Таким образом, в изначальном своем понимании термин «демифологизация» означал скорее применение некоего «герменевтического метода», который нам поможет уловить евангельский смысл, независимый от мифических условий возникновения библейской литературы и доступный современному человеку [Там же].

Современные культурологи вкладывают в термин «демифологизация» более широкий смысл, понимая его как разоблачение мифов окружающей действительности. Демифологизация ставит своей целью освобождение массового сознания от мифологических представлений путем активизации воли к пониманию [2, с. 3], являясь, таким образом, процессом постепенного разоблачения укрепившихся в сознании человека мыслительных шаблонов. В литературе и искусстве демифологизация реальности представляет собой систему художественных приемов, направленных на формирование безиллюзорного мироощущения читателя [Там же].

«Безиллюзорность мироощущения» формируется у читателя произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина в силу того, что своих работ сатирик десакрализирует древние глубинные схемы, отпечатавшиеся в человеческом сознании и даже подсознании, подвергая профанации изначальные архетипические ситуации, лежащие в основе поведения индивида и хранящие в себе базовые духовно-нравственные ценности человечества. Литературным приемом, помогающим сатирику достичь своей цели, является гротеск.

Гротеск – один из наиболее древних типов построения художественного образа, основанный на так называемом «сочетании несочетаемого». Так, исследователь творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина Д. П. Николаев говорит о том, что «с давних пор гротеск понимался как такой принцип изображения действительности, который предполагает структурное соединение воедино предметов, признаков, частей, принадлежащих к разным жизненным рядам, сочетание несочетаемого, совмещение несовместимого» [4, с. 11]. М. М. Бахтин связывает гротескный реализм с культурой средневековых карнавалов, в основе которых лежали принципы инверсии «верха» и «низа», профанации сакрального и амбивалентности [1]. Попробуем понять, как гротескные принципы изображения действительности «работают» в «Пошехонских рассказах» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Следует сказать, что в цикле «Пошехонские рассказы» мы сталкиваемся с почти карнавальным подменой сакрального пространства дома профанным пространством трактира («кабака»). Гротескная инверсия «дом-кабак» наиболее последовательно реализуется в поведении такого персонажа, как Павел Никитич Павлинский. Павлинский представляет собой сатирический вариант «вечного странника», «персонажа-без-дома», нигде подолгу не задерживающегося. Сокровенная мечта Павлинского – как можно быстрее покинуть родную страну (желательно – на самый долгий срок). Получаемые за свою работу в департаменте Раздач и Дивидендов средства этот герой тратит на ежегодные экскурсии за границу: «В конце июля он перекидывал через плечо дорожную сумку и садился в вагон (непрерменно 1-го класса), а в начале сентября тем же порядком вновь водворялся в департаменте <...> Пошатается несколько недель по Германии, наблюдает, как делают папиросные гильзы в Баден-Бадене, Эмсе, Гамбурге, и под конец недели на две непременно закатится в Париж» [6, с. 62]. При этом возвращение из заграничных путешествий в «родное» пространство мыслится Павлинским неизбежной трагедией. Интересно отметить, что на протяжении всего произведения мы ни разу не видим героя в рамках его домашнего пространства; более того, у читателя последовательно складывается впечатление, что этот персонаж лишен дома в принципе, ибо этот вроде бы неизбежный пункт его маршрута в тексте как будто отсутствует: «Пообедал у Вефура, у Вуазена, у Бребана, у Маньи <...> побывал в –Excelsior», в –Café des Ambassadeurs» и зашел в –Contributions indirectes» посмотреть, как там –наше дело стоит». Наконец в один дождливый и темный вечер сел в вагон и прикатил в Петербург. Наутро – в департамент; обедать – в –Грачи» [Там же, с. 62–63]. Именно в трактире «Грачи» герой проводит большую часть своего свободного времени, тратя его на длительные обеды с товарищами, во время которых ведутся разговоры о преимуществах заграничного образа жизни и всерьез обсуждаются масштабные проекты превращения пятикопеечных гербовых марок в сорокакопеечные. Называя Париж столицей мира, а Швейцарию – страной полной свободы, Павлинский забывает о своих корнях, отрицая тем самым одну из непреложных человеческих ценностей – ценность собственного дома. Родным домом героя становится трактир «Грачи» – место, где важность приобретают лишь материальные ценности. Подобная подмена сакрального пространства «дома» профанным пространством «кабака» не проходит для Павлинского бесследно: герой подвергается процессу духовной деградации, проявляющийся, в частности, в его полном культурном невежестве: побывав в Шильоне во время одного из своих заграничных путешествий, Павлинский с восхищением рассказывает товарищам о том, что именем «Шильонского узника» Бонивара теперь назван лучший озерный пароход.

Мотив гротескной подмены сакрального профанным в «Пошехонских рассказах» тесно связан с другим типичным для творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина мотивом – мотивом оборотничества. Данный мотив проявляется в произведении в двух своих вариантах:

- а) человек-животное;
- б) человек-кукла.

Первый вариант мотива оборотничества обнаруживается при сопоставлении некоторых героев «Пошехонских рассказов» с определенными живыми существами. Речь идет о так называемых «зоологических уподоблениях», занимающих в творчестве сатирика достаточно существенное место. Совмещая в рамках одного образа качества человека и животного, М. Е. Салтыков-Щедрин добивается пародийного снижения

этого образа. Наиболее яркие примеры подобного «снижения» – образы хвостатой ведьмы Наталки, а также поручика-быка Потапова и его оборачивающейся коровой любовницы Красавиной из «Рассказов майора Горбылева» («Вечер первый»). Интересно отметить, что каждый из этих трех образов оказывается тесно связанным с темой так называемой «незаконной любви», традиционно считающейся аморальной: Наталка готова провести ночь с любым более или менее привлекательным корнетом, а Потапов и Красавина оборачиваются быком и коровой, чтобы скрывать свои отношения от мужа героини.

Зоологические уподобления находят свое отражение и в «Вечере третьем», повествующем о посетителях трактира «Грачи». Так, чиновник Новинский, стремясь унижить коллегу Скорпионова, называет его «трихиной» и «червяком», вызывая тем самым благородное негодование последнего, которое, однако, очень быстро проходит от графина двойной померанцевой и двух подовых пирогов. Уход чиновников с рабочих мест на обед уподобляется «расползанию раков», а процесс поглощения ими пищи больше напоминает насыщение хищных животных: «Гарантулов быстро рвал пирог зубами и озирался по сторонам, как бы кто у него не отнял; Скорпионов чавкал понемножку» [Там же, с. 72].

Уподобляя своих героев бессознательным животным, М. Е. Салтыков-Щедрин показывает постепенное духовное обнищание нации, утратившей базовые моральные ценности: в созданном сатириком человеке в буквальном смысле слова остается слишком мало человеческого – настолько мало, что порой это приводит к внезапному и полному его исчезновению. Так, в «Вечере первом» бесследно пропадают сделавшийся невидимым ротмистр Коробейников и его полк, а «Вечере третьем» та же самая участь постигает незадачливого чиновника Жюстмилье.

Второй вариант мотива оборотничества в «Пошехонских рассказах» – подмена живого человека его неорганическим субститутом (куклой). Об амбивалентности образа куклы говорил Ю. М. Лотман, утверждавший, что в нашем культурном сознании сложилось как бы два лица куклы: одно манит в уютный мир детства, другое ассоциируется с псевдожизнью, мертвым движением, смертью, притворяющейся жизнью. Первое глядится в мир фольклора, сказки, примитива, второе напоминает о машинной цивилизации, отчуждении, двойничестве [3, с. 379]. В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина проявляется второе «лицо» куклы: живые люди приобретают в произведениях сатирика качества, роднящие их с бездушными автоматами, запрограммированными лишь на одно действие.

В «Пошехонских рассказах» мотив подмены человека куклой наиболее ярко проявляется в образах двух «пошехонских реформаторов» – Андрея Курзанова и Никанора Беркутова. Эти на первый взгляд абсолютно разные личности имеют, как оказалось, довольно много общего: и благообразный богомол Курзанов, и желчный мизантроп Беркутов живут, имея в голове некую не подлежащую изменению программу. Курзанов, переходя от одного щедрого помещика к другому, проповедует только один принцип – «жить по-божески»: «Из всего вычитанного, слышанного и виденного он извлек особый нравственный кодекс, который коротко выражал словами: —Жить по-божески» [6, с. 84]. Суть этого «кодекса» – одинаковое распределение материальных благ между всеми людьми – Курзанов объяснил в разговоре с «доброй» помещицей Марьей Ивановной: «По закону всякий около своего куска ходит, а по-божески вот как: тебе кусок, и мне кусок, и прочим по куску» [Там же, с. 86]. Этот жизненный принцип Курзанова остается подозрительно неизменным даже в периоды серьезных социальных сдвигов; героя несколько раз сажают в тюрьму и несколько раз отпускают, а он с упрямой твердостью повторяет одни и те же закрепившиеся в его сознании фразы. Курзанов не может «перепрограммировать» себя даже перед лицом надвигающейся опасности в лице новоприбывшего капитана Груздева, приказавшего ему говорить «справедливые слова». «”Но едва начал Андрей”: —Тебе – кусок, и мне – кусок”, – как Груздев на первых же словах его перервал:

– Довольно! – сказал он твердо, даю тебе два дня на исправление!

Через два дня Курзанов явился вновь, но так как, по-видимому, ум у него окончательно заложило, то и на этот раз он начал: —Тебе – кусок, мне – кусок...” [Там же, с. 96].

«Двойником» Андрея Курзанова в произведении выступает другой «пошехонский реформатор» – Никанор Беркутов. Разница между этими героями заключается лишь в непохожести заложенных в их кукольные головы программ: принципу Курзанова «жить по-божески» противостоит желание Беркутова «привести всех к одному знаменателю». Причем Беркутов неспособен задуматься о том, в чем именно смысл его учения: «Никаких разъяснений и развитий это учение не требовало <...> Кого нужно было привести к одному знаменателю – всех. По каким причинам? – по всем вообще <...> Для чего это нужно? – Беркутов никогда на этот вопрос не отвечал» [Там же, с. 99].

Не вызывает удивления тот факт, что мотив куклы используется М. Е. Салтыковым-Щедриным применительно к персонажам, претендующим на звание революционеров, пророков, стремящихся распоряжаться человеческими судьбами. Подобно глуповскому градоначальнику Брудастому, управляющему городом при помощи всего лишь двух слов – «Раззорю!» и «Не потерплю!» – люди-куклы Курзанов и Беркутов осуществляют псевдореформаторскую деятельность, не приносящую пользы людям.

Используя в «Пошехонских рассказах» гротескные мотивы подмены и оборотничества, М. Е. Салтыков-Щедрин показывает разрушение базовых духовно-нравственных ценностей человечества. Профанируя сакральное, сочетая в изображении одного персонажа истинное и ложное, живое, настоящее и неживое, механическое, подменяя одухотворенного человека бездушной куклой, писатель десакрализует мыслящиеся до этого вечными и неизменными изначальными шаблонами, матрицы, архетипы человеческого мышления, добываясь тем самым демифологизации художественной реальности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Введение (Постановка проблемы) // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 291-352.
2. Глазкова Т. А. Демифологизация реальности в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дисс. ... к. культурологии. М., 2009. 24 с.
3. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 377-380.
4. Николаев Д. П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М.: Художественная литература, 1977. 358 с.
5. Роготнев И. Ю. Универсалии смеховой культуры в художественном мире М. Е. Салтыкова-Щедрина: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2009. 210 с.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20-и т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 15. Кн. 2. 400 с.
7. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2000. 576 с.
8. Хюбнер К. Истина мифа [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Hubn/30.php (дата обращения: 10.03.2014).

**GROTESQUE AS A METHOD FOR DEMYTHOLOGIZATION OF THE REALITY
IN "OLD YEARS IN POSHEKHONYE" BY M. Y. SALTYKOV-SHCHEDRIN**

Omel'nitskaya Evgeniya Yur'evna

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
evg.omelnitskaya@yandex.ru*

The article is dedicated to the problem of demythologization of the reality in "Old Years in Poshekhonye" by M. Y. Saltykov-Shchedrin. The author believes that the grotesque motives and images play a key role in the creation of the traditional for the writer's creative activity "distorted" world. Using grotesque as a method for demythologization of the reality M. Y. Saltykov-Shchedrin shows the gradual decay of the basic moral and ethical values of the mankind.

Key words and phrases: M. Y. Saltykov-Shchedrin; "Old Years in Poshekhonye"; grotesque; grotesque motives and images; demythologization of the reality; literary device.

УДК 82-1/-9

Филологические науки

В статье предложено базово-концептуальное видение конфликта цикла, представлена оригинальная технология анализа конфликта во взаимодействии с другими циклообразующими элементами. Эта технология апробирована на материале циклов Ф. Сологуба и В. Брюсова. Определено, что ведущим конфликтом в циклах является конфликт двоемирия, который получает своеобразное воплощение в системе бинарных оппозиций циклов. Доказано, что конфликт взаимодействует с каждым уровнем художественного цикла, проявляясь в большей степени на уровне сюжета, системы мотивов и хронотопа.

Ключевые слова и фразы: циклизация; цикл; конфликт; система антиномий; бинарная оппозиция.

Осипова Ольга Ивановна, к. филол. н., доцент

*Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный институт
fia-fa@mail.ru*

**ФУНКЦИЯ КОНФЛИКТА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛОВ Ф. СОЛОГУБА И В. БРЮСОВА) ©**

Теория прозаического цикла – довольно устоявшееся явление литературоведения, потому в последнее время авторы уделяют большее внимание эмпирике, обращаясь к явлениям циклизации у различных авторов. Тем не менее на сегодняшний день можно выявить ряд насущных проблем теоретического изучения цикла, которые нуждаются в обсуждении.

Одной из таких проблем становится состав циклообразующих категорий, а также их взаимосвязь и «работает» на создание единого жанрового целого, иными словами, методика анализа цикла. Она во многом сопряжена с методикой анализа цикла лирического. Исследователи и того и другого выдвигают такие позиции в тексте, которые позволяют рассматривать цикл как единый текст. В большинстве случаев указывается проблемно-тематическое единство компонентов, что связано с основной задачей цикла – освоением нового жизненного материала. Существенным этапом анализа цикла является также анализ его пространственно-временной организации, которая не только обладает мощной циклообразующей функцией, но и играет важную роль в создании целостной картины мира, воплощающейся в цикле. Далее следует выдвигание на первый план циклического героя. Остальные межтекстовые связи – повтор мотивов, тем, сюжетов – приобретают в рамках всего цикла особую значимость и могут рассматриваться как маркеры искомого добавочного смысла, который